

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ Т. ТОЛСТОЙ

Лукина Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: lukina.71@mail.ru.

Лаптева Мария Леонидовна, доктор филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: hohlina2004@yandex.ru.

В статье рассматриваются различные типы структурно-семантических трансформаций, характерных для художественного пространства произведений Т. Толстой. Детальному анализу подвергаются продуктивные приёмы преобразований: со стороны семантики – буквализация, народноэтимологическое переосмысление, со стороны структуры – изменение компонентного состава, морфологические трансформации. Выделяются единицы, сохраняющие тождество с кодифицированными фразеологизмами, и единицы, квалифицирующиеся как индивидуально-авторские.

Ключевые слова: фразеологизм, структурно-семантическая трансформация, художественная картина мира

STRUCTURAL AND SEMANTIC TRANSFORMATIONS OF IDIOMS IN T. TOLSTOY'S LITERARY TEXTS

Lukina Natalya V., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: lukina.71@mail.ru.

Lapteva Mariya L., Doctor of Philological Sciences, Professor, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: hohlina2004@yandex.ru.

The various types of structural and semantic transformations specific to the artistic space of T. Tolstoy's works are considered in the article. Productive transformation techniques are subjected to detailed analysis: the externalization, folk etymological rethinking on the part of semantics and changing of the component constitution, morphological transformations – from the structure. Units that preserve identity with codified phraseologisms (idioms) and qualified as individually authoring are distinguished.

Keywords: idiom, structural-semantic transformation, artistic picture of the world

Исследование трансформационного потенциала единиц фразеологической системы языка в пространстве художественного текста не теряет актуальности в рамках действующей антропоцентрической парадигмы современной лингвистики. В связи с этим представляется своевременным обращение к изучению фразеологического фрагмента художественной картины мира произведений Т. Толстой, что до настоящего времени не было сделано.

Цель настоящей статьи – выявить спектр структурно-семантических трансформаций, которым подвергаются кодифицированные фразеологизмы в поле художественных текстов Т. Толстой. За основу анализа языкового материала взята классификация трансформаций фразеологизмов А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко [4].

В процессе исследования творчества Т. Толстой нами было проанализировано 115 фразеологизмов, из них 38 единиц употреблены в узуальном значении, а 62 единицы являются трансформированными.

Когда существующие уже во фразеологическом составе языка единицы не могут полностью удовлетворить требованиям текста, они подвергаются трансформации, вследствие чего актуализируется их смысл.

Отметим, что к наиболее продуктивным приёмам семантических фразеологических преобразований относятся *двойная актуализация, буквализация семантики фразеологизмов и народноэтимологическое переосмысление*.

Обратимся к контексту, насыщенному фразеологизмами, задающими динамическую картину исчезновения жениха, который, испугавшись прямого вопроса будущей жены, мог бы отказаться от свадьбы: *«Кормят его тут, поят. ...На прямой вопрос Зоя всё-таки не отваживалась. Многовековой опыт остерегал. Один неудачный выстрел – и всё, пиши пропало; добыча бежит прочь со всех ног, только пыль стоит и пятки сверкают. Нет, заманивать надо... Зоя ставила западни: вырывает яму, прикрывает ветвями и подталкивает, подталкивает...»* (Т. Толстая. Охота на мамонта). Объективированное фразеологизмом *пиши пропало* значение неизбежной неудачи, которая могла бы постигнуть стремившуюся замуж Зою, усиливает ряд устойчивых единиц. Каждая из них не столько передаёт характер перемещения предполагаемого жениха – 'очень быстро, стремительно', сколько акцентирует его психоэмоциональное состояние – панический страх.

Об усилении экспрессивной семы в структуре фразеологического значения той или иной единицы зачастую свидетельствует синтаксический контекст: *«Я только книгу хотел – ничего больше, – только книгу, только слово, всегда только слово, – дайте мне его, нет его у меня! Вот, смотри, нет его у меня!.. Вот, смотри, голый, разутый стою перед тобой – ни в портянке не завалялось, ни под рубахой не таю! Не спрятал под мышкой! Не запуталось в бороде! Внутри – смотри, – и внутри нет его, – уж всего вывернуло наизнанку, нет там ничего! Кишки одни! Голодно мне! Мука мне!»* (Т. Толстая. Кысь). Фразеологизм *вывернуло наизнанку* обладает прозрачной внутренней формой, поэтому приобретает речевой смысл – 'ничего не скрываю, не утаиваю'. Состояние не только физической наготы, но и внутренней опустошённости героя подчёркивается за счёт многочисленных восклицательных предложений, окружающих рассматриваемую единицу. Если сравнить смысловую реализацию фразеологизма *вывернуло наизнанку* со словарным толкованием (прост. экспресс. 'Беспрерывно и сильно рвёт кого-то'), то налицо семантические преобразования, которые коснулись содержательного плана единицы.

Ещё одним типом трансформаций, обнаруженных нами в ходе исследования, является буквализация. Такие категориальные признаки фразеологизма, как словный характер компонентов и раздельнооформленность, позволяют автору воссоздать его внутреннюю форму и использовать обобщающий метафорический смысл при создании образной структуры текста. «При буквализации значение исходное, прямое значение сочетания, представляющее собой образную основу фразеологической единицы, не только актуализируется, но и выступает на первый план, часто противопоставляясь фразеологическому значению оборота» [3, с. 20]. Говоря о буквализации фразеологической единицы, Н.Л. Шадрин указывал на то, что такая трансформация смысла часто «основывается на потенциальной возможности вычленить отдельный компонент фразеологизма в качестве самостоятельной семантической единицы, т.к. каждое слово, оставаясь компонентом фразеологизма, приобретает двойную сущность: оно входит в состав структурно и семантически сложного целого как его интегральная часть, сохраняя в то же время потенциальные качества самостоятельной лексической единицы» [9, с. 193].

Т. Толстая нередко использует приём буквализации в романе «Кысь», в частности, для речевой характеристики главного героя – Бенедикта. Именно в его речи функционируют фразеологизмы, причём это могут быть как трансформированные единицы, так и нетрансформированные. Трансформации помогают автору создать весьма противоречивый образ героя, с одной стороны, очень много читающего, но, с другой стороны, плохо понимающего то, что он читает. Оказывается, что не знакомо ему, в том числе, и значение широко известных и употребительных фразеологизмов.

Например:

1. «...Вот с утра спозаранку голубчики в очередь в Выплатную Избу встали. Ещё и заря не всходила, темень зимой-то – **хоть глаз выколи**.

А бывает. Идет голубчик на ощупь, в темноте-то, за получкой – ан и в яму свалится, а не то сучком глаз выколет, а то поскользнется и ногу переломит... Всё может быть»;

2. «Вот если опять повезло, бляшки и ухватишь. Кто короткорукый, конечно, али хвор в суставе, тот всех денег нипочем не ухватит, а разве часть. Про таких и говорится народная мудрость: **руки, мол, коротки**»;

3. «– Да, мы часто о вас говорим... **в своём кругу**, знаете... высказываем мнения... Все согласны: у вас прекрасное развитие...

Так он и думал. **Бабы!.. Сядут в кружок** да давай разговоры разговаривать про свои бабские дела. Кто, да с кем, да когда. И Бенедикта обсуждали! Хвалили!..»

Становится понятно, что в каждом из примеров герой либо употребляет, либо воспринимает фразеологизм в прямом значении слов-компонентов. Сравним: **хоть глаз выколи** – ‘совершенно ничего не видно’ [7, с. 399] – «голубчик... сучком глаз выколет»; **руки коротки** – ‘нет достаточной власти, права, возможности и т.п. (делать, сделать что-либо)’ [8, с. 415] – «кто короткорукый, конечно...»; (**свой**) **круг** (иноск.) – ‘свое общество, знакомство’ – «**Бабы!.. Сядут в кружок**» [8, с. 579].

В рассказах Т. Толстой примеров народноэтимологического переосмысления внутренней формы фразеологизмов нами обнаружено не было, в отличие от её романа «Кысь», где представлены яркие примеры данного вида семантического преобразования. Сравним «А так про книжицы завсегда говорят: **пища духовная**. Да и верно: зачитаешься – вроде и в животе меньше урчит». В данном случае персонаж пытается объяснить значение фразеологизма **пища духовная (для души)**, который он часто встречает в речи окружающих, однако, как видно, трактует его иначе – как то, что отвлекает от мысли о еде. Об этом говорит правый контекст. Иную, но всё же неверную трактовку компонента **духовный** в устойчивой единице **духовная жизнь** можно обнаружить и в следующем примере: «А почему ещё **жизнь духовную** называют возвышенной? – да потому что книгу куда повыше ставят, на верхний ярус...» (Т. Толстая. Кысь).

По нашим наблюдениям, Т. Толстая, «играя» в свойственной ей постмодернистской манере образами, выводит на уровень языковой игры и фразеологизмы, которые функционируют в речи героев романа. «А с дозорной башни мурзы будут на голубчиков глядеть и всех их по головам пересчитывать. Потому надо ж знать, сколько у нас народу <...> И народная мудрость тоже говорит: **цыплят по осени считают**. А когда всех пересчитают, то, конечно, можно по домам, пей-гуляй, веселись, что хочешь делай, но в меру. Это вот и есть подход государственный» (Т. Толстая. Кысь). Пословичное выражение **цыплят по осени считают** – ‘о чём-либо судят по конечным результатам’, происхождение которого связано с народными наблюдениями за тем, что не все птенцы, появившиеся на свет весной, доживают до осени, актуализируется в языковой памяти говорящего только за счёт компонента **считать** («А когда всех пересчитают...»). Внутренняя

форма единицы для говорящего «стёрта», поэтому употребление фразеологизма неверно.

В целом в исследованных нами текстах Т. Толстой обнаружено 20 семантически преобразованных фразеологизмов.

Рассмотрим также структурно-семантические преобразования, характерные для художественного пространства произведений данного писателя.

Итак, разграничивается два основных типа структурно-семантических преобразований:

1) преобразования, не приводящие к нарушению тождества фразеологизмов, но связанные с индивидуально-авторским употреблением устойчивой единицы;

2) преобразования, в результате которых возникают индивидуально-авторские (оказиональные) фразеологизмы и слова. Рассмотрим каждый тип в отдельности.

К первому типу преобразований, которые имеют место в художественном пространстве текстов Т. Толстой относятся замена компонента фразеологизма словом или словосочетанием (наиболее частотный подтип), внешние и внутренние морфологические преобразования фразеологизмов, расширение компонентного состава.

Обратимся к примерам.

1. «А в ноябре как зарядят дожди, как зарядят, как зарядят, – и-и-и-и-и-и! – мутно так между небом и землей, и **на душе мутно!**» (Т. Толстая. Кысь). Предположительно, индивидуально-авторское **на душе мутно** возникает на основе замены компонента фразеологизма **скребет на душе** – ‘кому-либо грустно, тоскливо, беспокойно, тревожно’ [7, с. 429]. Выбор именно компонента **мутно** обусловлен наличием данной лексемы в прямом значении в левом контексте. В основе выражения **на душе мутно** лежит процесс метафоризации.

2. «Вот буквально только что этим летом, да что там, в августе, вот в этом самом августе Перхушков пережил драму, описать которую не возьмется ничье перо – ещё не ослеп такой Гомер, чтобы поднять эту тему. Ад, – горько рассказывал Перхушков, – это просто вечеринки с девушками, это, **не сказать худого слова**, ЦПКиО им. Горького на фоне того, что с ним было!» (Т. Толстая. Лимпопо). Исходная форма фразеологизма – **не говорить худого слова** – устар. ‘Не вступая в пререкания, в распри’ [8, с. 465].

В рассмотренных выше примерах структурная трансформация практически не касалась содержательного плана фразеологизмов. Однако в большинстве случаев такого рода преобразования ведут к интенсификации коннотативного блока фразеологического значения, как это происходит, в частности, в следующих примерах.

3. «Замечу уж кстати – полноты картины и справедливости ради, – что Антонина Сергеевна, смалодушничав и **спихнув с себя вину** в истории с вареными р-скими гражданами (а кто бы не смалодушничал), – Антонина Сергеевна в целом осталась на высоте положения, прекрасно понимая и ценя роль Ольги Христофоровны и ее вклад в наши успехи, в наше светлое, как она говаривала, сегодня...» (Т. Толстая. Лимпопо). Глагол **снять** заменяется разговорным глаголом **спихнуть**, что и приводит к усилению экспрессивных свойств данного фразеологизма.

4. «Откуда же вы? Такие одинаковые? **Два сапога пара!** Нет! – воскликнула она и наклонилась, чтобы рассмотреть их поближе. – Нет, вы как **два сапога на одну ногу**» (Т. Толстая. Лимпопо). Желая подчеркнуть невероятное сходство адресатов, герой текста трансформирует инвариантный фразеологизм **два сапога пара** – ‘похожи друг на друга, подходят друг другу’ – путём замены компонента **пара** словосочетанием **на одну ногу**. Таким образом,

усиливается экспрессивность фразеологизма, хорошо знакомого русскому литературному языку ещё с XVIII века.

5. «Этот Коробейников, он приходил на дачу из соседнего санатория. Его там оперировали по поводу язвы. Так врачи всегда говорят: по поводу язвы. Ведь просто так, за здорово живешь, человека не разрежешь, хотя, я знаю, многим интересно, чтобы их разрежали и посмотрели на всякий случай: что у них внутри. Но так же нельзя, без повода. Поэтому режут по поводу: скажем, по поводу язвы, а уж там **как бог пошлёт**, умирать гражданин будет совсем по другому поводу, и врачи тут совершенно ни при чем» (Т. Толстая. Пламень небесный). Скорее всего, индивидуально-авторская единица **как бог пошлёт** образовалась в результате контаминации фразеологизмов **где бог пошлёт** – ‘там, где придётся, где случится (жить, ночевать, останавливаться, работать и т.п.)’, **чем бог послал** – ‘тем, что есть, чем пришлось (угощать, завтракать и т.п.; существовать, жить)’ и **как богу угодно** – народн. ‘Выражение покорности судьбе’ [7, с. 130]. Компонентный состав трансформированного фразеологизма ближе к первым двум инвариантным фразеологизмам, тогда как семантически он, напротив, тождествен третьему.

На наш взгляд, с целью дать речевую характеристику главного героя романа «Кысь» Бенедикта, у которого, несмотря на работу переписчика книг, не развивается речь, Т. Толстая, используя приём замены компонента фразеологизма, выбирает именно внелитературные единицы. Перечислим некоторые из индивидуально-авторских употреблений устойчивых выражений русского языка: *на чужой талан не зазевывайся; накладывают тулумбасов-то по шее; зубов не разжамши; дыхание захолонет; червь сердце точит, точит; глаза вывалятся; порты просиживает; пёс с тобой; морда овечья, да душа человечья* и др.

Например: 1) *Разговаривают, зубов не разжамши, будто бы у них во рту чего ценное, дак вот как бы оно не выпало, а то ты хват и бежать сломя голову? А глазами-то какими смотрят...*» (Т. Толстая. Кысь). В контексте фразеологизм **зубов не разжамши** является трансформацией кодифицированной единицы **сквозь зубы** – ‘с презрением, с неудовольствием и т.п., как бы нехотя (говорить, цедить, ворчать и т.п.)’ [7, с. 314]. Фразеологизм употребляется в словарном значении.

2) *Ты, Книга! Ты одна не обманешь, не ударишь, не обидишь, не покинешь! Тихая – а смеёшься, кричишь, поёшь; покорная – изумляешь, дразнишь, заманиваешь; малая – а в тебе народы без числа; пригоршня буковок, только-то, а захочешь – **вскружишь голову**, запутаешь, завертишь, затуманишь, слезы всплывутся, **дыхание захолонет**, вся-то душа, как полотно на ветру, взволнуется, волнами восстанет, крылами взмахнет!* (Т. Толстая. Кысь). В представленном фрагменте градуально усиливается экспрессивность, что достигается за счет употребления в однородном ряду индивидуально-авторских метафор, сравнительного оборота, а также узуального и трансформированного эмотивно-оценочного фразеологизма: **закружить (вскружить) голову** – ‘лишать способности ясно мыслить, здраво рассуждать, трезво оценивать окружающее’ [7, с. 114] и **дыхание захолонет** – контаминация инвариантных фразеологизмов **дух захватывает** – ‘тяжело, трудно дышать от избытка чувств, сильных переживаний, каких-либо ощущений и т.п.’ [7, с. 171] и **сердце захолонуло** – прост. экспрес. ‘Кто-либо цепенеет от испуга, страха, жалости и т.п.’ [8, с. 501].

Изменение компонентного состава фразеологизмов базируется на психолингвистическом механизме смысловых замен и поиска субъективных эквивалентов, обусловленных стремлением применить языковую единицу к единичной ситуации. Например: «А другие, кто по избам попрятались, от хохота прям увизжались, как русалки какие: **визг столбом стоит**, а кто

визжит – и не видать, хоть ты головой верти, хоть ушами, хоть чем. А от этих изоб-то, где визжат, глядишь, визг-от и на другие избы перекинется, что в заднем ряду, а там и по третьему ряду пойдёт, а там и по всей слободе...» (Т. Толстая. Кысь). В контексте трансформация исходного фразеологизма **пыль столбом, дым коромыслом (не то от таски, не то от пляски)** на **визг столбом стоит** стимулирует развитие метафоры, позволяющей представить масштабность проявления эмоции. Инвариантный оборот возник в результате наблюдения над столбом света, появляющимся в помещении при косых лучах солнца. Постоянное движение частичек пыли производит впечатлительное движение по дуге, сходной с кривизной коромысла [1, с. 585].

Перейдём к рассмотрению морфологических трансформаций фразеологизмов. Например: *«Бенедикта даже затошнило от страха, от нехорошего, под ложечкой сосущего чувства»* (Т. Толстая. Кысь). Устойчивая разговорная единица **сосет под ложечкой** употребляется для того, чтобы охарактеризовать состояние человека, испытывающего острое чувство голода. В данном контексте фразеологизм, грамматически соотносимый со словом категории состояния (= 'голодно'), начинает употребляться в качестве признакового, что обусловлено внутренним морфологическим преобразованием глагола *сосать* в причастие *сосущее*, а также употреблением выражения в словосочетании с существительным *чувство*. Декодируя смысл данной единицы в контексте, можно сказать о том, что в трансформированном виде она служит для обозначения высокой степени проявления чувства страха.

Внешние морфологические преобразования могут детерминировать народноэтимологическое переосмысление внутренней формы фразеологизма. Сравним: *«...дядя Женя предполагал жить роскошно, жить вечно, но Бог судил иначе, и скажу уж, забегаю вперёд, что когда он, после нескольких блистательных месяцев своей состоявшейся таки африканской карьеры, посетил национальный заповедник, где дразнил палкой павиана, – то зазевался и был разорван в мельчайшие клочки каким-то проходившим мимо ихним животным»* (Т. Толстая. Лимпопо). Отметим, что инвариантная единица **Боги судили иначе** (лат. *Dis aliter visum*) восходит к поэме «Энеида» римского поэта Вергилия. Рассказывая о гибели Трои, он описывает неудачную попытку троянского отряда прибегнуть к военной хитрости. Троянцы переоделись в одежды греков, полагая внести смятение в их ряды, «но боги судили иначе»: из-за этого переодевания на троянцев обрушились удары как своих, не знавших об этой хитрости, так и чужих, ее распознавших» [10, с. 120]. Замена формы множественного числа смыслообразующего компонента **Боги** формой единственного числа свидетельствует о том, что в языковом сознании героя данная единица связана с монотеистическим христианским представлением о творце, определяющем существование человека (ср. *На Бога надейся (полагайся), а сам не плошай*).

Приём расширения компонентного состава фразеологизмов, используемый Т. Толстой, сочетается со смысловыми сдвигами в содержательной структуре исходной единицы. Например: *«Вот и окончен день, <...> и теперь Бенедикту поспешать домой, добираться по пригоркам, по сугробам, спотыкаясь, и падая, и зачерпывая снег рукавом, и нашаривая тропинку посреди зимы, и разводя зиму руками»* (Т. Толстая. Кысь). Вставка компонента *зима* сопряжена с буквализацией фразеологизма: Бенедикт, продвигаясь по заснеженной зимней дороге, расчищает себе путь. Семантическая связь с устойчивым выражением **разводить руками** – 'удивляться, недоумевать, не зная, как поступить в затруднительном положении' [8, с. 378] – утрачивается.

Мастерски используются в художественном пространстве Т. Толстой отдельные компоненты, выражающие элементы фразеологического значения: *«... А ежели я ему мараль сделаю, так и веселью не бывать. И что же тогда: иди мимо насупившись, словно с утра не евши? Ни глядеть на чу-*

жое добро, ни даже мечтать не смей? Это ж мука! Право, мука-мученическая. **Ведь глаз – он такой: он сам на сторону съезжает, в чужое упирается, иной раз аж вываливается.** Ноги, хоть и заплетаются, бывает, и мимо пройдут, а **глаз прям приклеивается**, а за ним и вся голова на шее» (Т. Толстая. Кысь).

С одной стороны, в данном контексте встречаются «осколки» не одного, а сразу нескольких фразеологизмов с одним и тем же компонентом *глаз*, который, употребляясь обособленно, все же передает элементы значения устойчивых оборотов. Так, дешифровке в представленном контексте поддаются следующие фразеологизмы: *влияться глазами* – ‘пристально, не отрываясь смотреть на кого-либо или на что-либо’; *глаза не отрываются* – ‘кто-либо очень внимательно, пристально, неотрывно смотрит на кого-либо или на что-либо’; *глаза разгорелись* – ‘кому-либо непреодолимо, страстно захотелось, хочется чего-либо’; *навести глаза* – ‘внимательно, настороженно смотреть на кого-либо или на что-либо; наблюдать за кем-либо или за чем-либо’; *не мочь [не в силах, нельзя] оторвать глаз* – ‘(не мочь, не в силах, нельзя) перестать смотреть кого-либо или на что-либо’; *проглядеть все глаза* – ‘долго, много или неотрывно смотреть на кого-либо или на что-либо’; *пялить глаза* – ‘пристально, упорно, напряженно смотреть на кого-либо или на что-либо, рассматривать кого-либо или на что-либо; засматриваться на кого-либо или на что-либо’; *не упускать из вида [из глаз]* – ‘держат под пристальным наблюдением’ [7, с. 123].

С другой стороны, можно сказать, что Т. Толстая, в языковой памяти которой хранятся фразеологизмы с компонентом *глаз*, использует их образную основу для создания индивидуально-авторских метафор: *глаз вываливается*, *глаз приклеивается* и др.

Таким образом, в художественных текстах Т. Толстой представлено несколько видов семантических и структурно-семантических трансформаций фразеологизмов. Особо следует отметить совмещение в употреблении одной единицы одновременно нескольких трансформационных процессов, повлекших в ряде случаев образование индивидуально-авторских фразеологизмов.

Творческий потенциал Т. Толстой неизмерим. Писателю удалось обновить структуру, семантику и экспрессивно-стилистические свойства фразеологизмов, которые приобрели в художественном пространстве ее произведений новое художественное качество. Все это помогает Т. Толстой дать оригинальную характеристику персонажей, выразить авторскую оценку изображаемого, актуализировать скрытые текстовые смыслы, помочь читателю постичь глубинный смысл произведения.

Список литературы

1. Бирих А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова ; под ред. В. М. Мокиенко. – М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2007. – 926 с.
2. Диброва Е. И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке / Е. И. Диброва. – Ростов-н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1979. – 192 с.
3. Мелерович А. М. Факторы, мотивирующие смысловое содержание фразеологизмов в тексте / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко // Культурные аспекты в языке и тексте : сб. науч. тр. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2005.
4. Мелерович А. М. Семантическая структура фразеологических единиц русского языка / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. – 484 с.
5. Толстая Т. Кысь / Т. Толстая. – М. : Эксмо, 2004. – 368 с.
6. Толстая Т. Не кысь / Т. Толстая. – М. : Эксмо, 2006. – 608 с.
7. Фразеологический словарь русского литературного языка : в 2 т. / сост. А. И. Федоров. – М. : Цитадель, 1997. – Т. 1. – 391 с.

8. Фразеологический словарь русского литературного языка : в 2 т. / сост. А. И. Федоров. – М. : Цитадель, 1997. – Т. 2. – 396 с.

9. Шадрин Н. П. Способы окказионального преобразования ФЕ и их классификация / Н. П. Шадрин // XXIII Герценовские чтения. – Л., ЛГПИ, 1970. – С. 190–195.

10. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / авт.-сост. В. Серов. – М. : Локид-Пресс, 2005. – 880 с.

References

1. Biri A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskij slovar' / ed. V. M. Mokienko. M. : Astrel' : AST : Lyuks, 2007. 926 p.

2. Dibrova E. I. Variantnost' frazeologicheskikh edinic v sovremennom russkom yazyke. Rostov-n/D. : Rostov Univ. Publ., 1979. 192 p.

3. Melerovich A. M., Mokienko V. M. Faktory, motiviruyushchie smyslovoe sodержanie frazeologizmov v tekste // Kul'turnye aspekty v yazyke i tekste. Belgorod : Belgorod State Univ. Publ., 2005.

4. Melerovich A. M., Mokienko V. M. Semanticheskaya struktura frazeologicheskikh edinic russkogo yazyka. Kostroma : KSU after N.A. Nekrasov, 2008. 484 p.

5. Tolstaya T. Kys'. M.: Eksmo, 2004. 368 p.

6. Tolstaya T. Ne kys'. M.: Eksmo, 2006. 608 p.

7. Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka : in 2 vol. / Sost. A.I. Fedorov. M. : Citadel', 1997. Vol. 1. 391 p.

8. Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka : in 2 vol. / Sost. A. I. Fedorov. M. : Citadel', 1997. Vol. 2. 396 p.

9. Shadrin N. P. Sposoby okkazional'nogo preobrazovaniya FE i ih klassifikaciya // XXIII Gercenovskie chteniya. L., LGPI, 1970. P. 190–195.

10. Enciklopedicheskij slovar' krylatyh slov i vyrazhenij / avt.-sost. V. Serov. M. : Lokid-Press, 2005. 880 p.